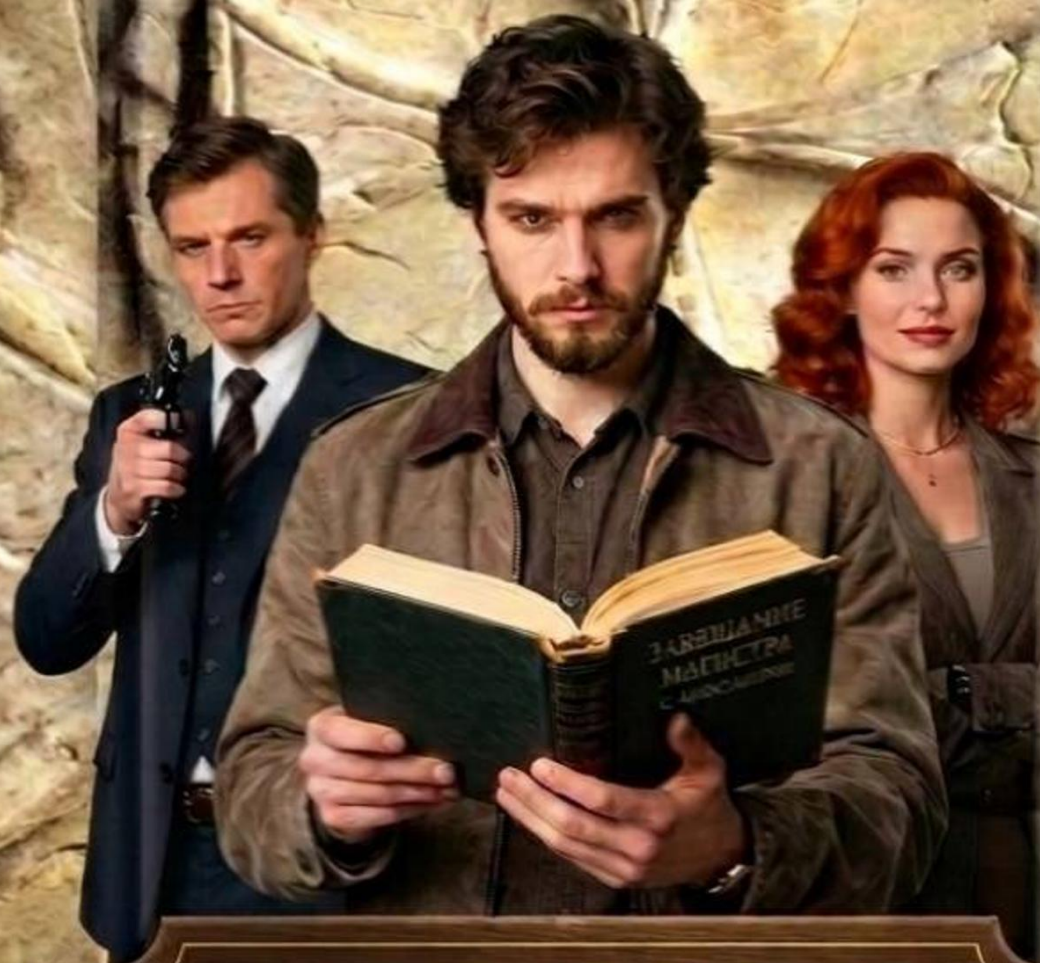

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВ

ЗАВЕЩАНИЕ
МАГИСТРА

Давыдов

Сергей Александров

Давыдов. Завещание магистра

«Автор»

2026

Александров С.

Давыдов. Завещание магистра / С. Александров — «Автор»,
2026

Охота за древним знанием выходит на новый виток. То, что началось как поиск загадочного манускрипта, превращается в битву за наследие, способное изменить баланс сил в мире. Инфразвук, подчиняющий волю. Символы, сводящие с ума. Технологии, которые считались вымыслом, оказываются реальностью — и за ними охотятся те, кто не привык проигрывать. Подземные лабиринты Москвы и заброшенные бункеры Поволжья. Секретные лаборатории, где ставили опыты на людях. Архивы, запечатанные на десятилетия. Каждый шаг приближает к разгадке — и каждый шаг смертельно опасен. Враг повсюду. Он носит маску союзника, друга, случайного прохожего. Довериться — значит погибнуть. Но и в одиночку не выстоять. Чтобы добраться до истины, придётся заключить сделку с теми, от кого воротит с душой. И молиться, чтобы этот союз не стал последней ошибкой. Продолжение захватывающей серии, где каждая глава — это новый поворот, а разгадка откладывается до самого финала.

© Александров С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Александров

Давыдов. Завещание магистра

Вторая книга серии «Давыдов».

Книга 1 Давыдов. ТЕНЬ ТАМПЛИЕРОВ.

Книга 2 Давыдов. ЗАВЕЩАНИЕ МАГИСТРА

Книга 3 Давыдов. ХРАНИТЕЛЬ ПЕЧАТИ

Глава 1. Звонок из прошлого

Португалия, побережье Атлантики..

Океан дышал. Мерное, тяжёлое дыхание — вдох, и волна с шумом разбивается о скалы внизу; выдох, и пена отступает, обнажая мокрые, блестящие на солнце камни. Этот ритм за полгода стал для Сергея таким же привычным, как биение собственного сердца. Он просыпался под него, засыпал под него, работал под него. И сейчас, стоя на террасе с чашкой остывшего кофе в руке, он смотрел на бескрайнюю водную гладь и думал о том, что покой — штука обманчивая. Особенно когда ты знаешь, что где-то там, за горизонтом, продолжается игра, из которой ты вышел лишь на время.

Солнце только начинало клониться к закату, окрашивая небо в привычные для этого часа пурпурные и золотые тона — цвета древнего братства, чьи тайны перевернули их жизнь. Сергей усмехнулся про себя: даже закат здесь, на краю Европы, напоминал о тамплиерах.

— Опять философствуешь? — раздался за спиной сонный голос.

Софья вышла на террасу, кутаясь в лёгкий плед. Майский вечер у океана был прохладен, но она не хотела уходить в дом. Волосы, выгоревшие на солнце до золотисто-медового оттенка, были небрежно собраны в хвост, на щеке — след от подушки. Она шурилась от яркого света и выглядела такой домашней, такой родной, что у Сергея на мгновение перехватило дыхание. Он до сих пор не мог привыкнуть к тому, что эта женщина — его. Что они просыпаются в одной постели, пьют кофе на одной террасе, строят планы на будущее, в котором нет места погоням, стрельбе и расшифровкам древних манускриптов.

— Не философствую, а созерцаю, — ответил он, протягивая ей чашку. — Кофе, правда, остыл.

— Сваришь новый, — безапелляционно заявила Соня, но чашку взяла и сделала глоток. Поморщилась. — Действительно остыл. О чём думаешь?

— О том, что мы здесь уже полгода.

— И? Тебе надоело? Хочешь обратно в Москву, в пробки и суету?

Сергей помолчал, глядя на океан. Потом неожиданно для самого себя сказал:

— Знаешь, а ведь я скучаю по Родине. Серьёзно. Здесь красиво, тихо, спокойно. Но иногда просыпаюсь и думаю: сейчас бы выйти из подъезда, вдохнуть весенний московский воздух, пройти по улице, услышать русскую речь вокруг. Там — дом. Там наша земля, наши корни. И как бы ни было хорошо в гостях, дома всегда лучше.

Соня удивлённо посмотрела на него.

— Не ожидала. Ты же всегда говорил, что Москва тебя утомляет.

— Утомляет, — согласился он. — Но это моя усталость, родная. А здесь... здесь я всё равно чужой. Мы оба чужие. И рано или поздно нам придётся вернуться. Не из-за опасности, не из-за расследований. Просто потому, что дом — это дом.

Она ничего не ответила, только прижалась к нему крепче. Митрыч, рыжий кот, выскочил на террасу и принялся тереться о ноги, требуя внимания.

В доме зазвонил телефон. Не мобильный — старый проводной аппарат, который остался ещё от бабушки Сони и который они сохранили ради антуража. Звонок был резким, требовательным, совершенно не вписывающимся в умиротворённую атмосферу португальского вечера.

— Кто бы это мог быть? — удивилась Соня. — Нам сюда никто не звонит.

Сергей уже шёл в дом. Он снял трубку.

— Да?

— Давыдов? — голос Зорина звучал напряжённо, без обычной сдержанной иронии. — Слушай меня внимательно и не перебивай. Времени мало. Ты и Горская должны немедленно покинуть дом. Сейчас. Возьмите только самое необходимое — документы, деньги, телефоны. Через пятнадцать минут за вами заедет машина. Это мои люди, они отвезут вас в безопасное место, а оттуда — в аэропорт. Вы возвращаетесь в Москву. Сегодня же.

Сергей почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Что случилось?

— Ваше убежище раскрыто. Мы перехватили переговоры: на вас готовится покушение. Исполнители уже в Португалии. Возможно, они следят за домом прямо сейчас. Подробности при встрече. Всё, действуй.

В трубке раздались короткие гудки.

Сергей на мгновение замер, переваривая услышанное, затем резко повернулся к Соне.

— Собираемся. Быстро. Только самое необходимое. За нами едут.

— Что? Кто? — она побледнела, но голос остался твёрдым.

— Зорин сказал — покушение. Подробности не знаю. Но он не стал бы звонить просто так. У нас пятнадцать минут.

Соня не задавала лишних вопросов. Она метнулась в спальню, на ходу сбрасывая плед. Сергей — в кабинет, где в ящике стола лежали их паспорта, деньги и флешки с рабочими материалами. Он побросал всё в небольшую сумку, проверил, на месте ли запасной телефон — старый кнопочный аппарат, который они держали для экстренной связи и никогда не включали без необходимости.

Через десять минут они оба стояли в прихожей. Соня прижимала к груди Митрыча, который недовольно мяукал, чувствуя тревогу хозяев.

— Кота придётся оставить, — сказал Сергей. — Не можем взять с собой. Я попрошу соседку присмотреть.

Соня на мгновение закусил губу, потом решительно кивнула. Она открыла дверь на улицу, выпустила кота — тот, почувствовав свободу, тут же юркнул в кусты. Выживет. Он здесь родился, это его территория.

У ворот уже стоял неприметный серый седан. За рулём — мужчина в тёмной куртке, с короткой стрижкой и цепким взглядом. Он молча кивнул, приглашая садиться. Сергей и Соня забралась на заднее сиденье. Машина тронулась с места, едва за ними захлопнулась дверь.

— Куда мы едем? — спросил Давыдов.

— В Лиссабон, — коротко ответил водитель. — Аэропорт. Там вас встретят. Билеты уже готовы. Рейс на Москву через Франкфурт, вылет через четыре часа.

— Кто на нас охотится?

— Этого я не знаю. Моя задача — доставить вас в аэропорт живыми. Остальное — не моё дело.

Машина мчалась по извилистой прибрежной дороге. Океан остался позади, теперь за окнами мелькали невысокие холмы, поросшие оливами и пробковым дубом. Солнце уже почти село, и сумерки быстро сгущались, превращая пейзаж в череду размытых теней.

Сергей смотрел в окно, пытаясь унять сердцебиение. Он чувствовал — не знал, но именно чувствовал, — что опасность близко. Это было то самое шестое чувство, которое выра-

боталось за годы работы в поле: когда воздух вокруг словно сгущается, а звуки становятся острее.

— Соня, — тихо сказал он, — пригнись.

— Что?

— Просто сделай, как я говорю.

Она послушно сползла вниз по сиденью. Сергей сделал то же самое. Водитель бросил на них быстрый взгляд в зеркало заднего вида, но ничего не сказал — только крепче сжал руль.

А через несколько секунд Сергей услышал то, что и ожидал услышать: звук приближающегося сзади автомобиля. Двигатель ревел на высоких оборотах, явно догоняя их.

— У нас хвост, — спокойно сказал водитель. — Чёрный внедорожник. Держитесь.

Он резко прибавил скорость. Сергея вжало в сиденье. Соня вцепилась в его руку.

Внедорожник приближался. Теперь Сергей видел его в боковое зеркало — массивный, тонированный, без номеров. Он шёл на обгон, явно намереваясь поравняться с ними.

И в этот момент произошло то, чего никто не ожидал.

С проселочной дороги, вынырнув из-за поворота справа, на трассу вылетел серебристый минивэн. Он резко вклинился между седаном и внедорожником, заставив преследователей ударить по тормозам. Внедорожник вильнул, пытаясь уйти от столкновения, но в тот же миг сзади, из-за того же поворота, откуда они сами только что проехали, появился тёмно-синий джип с тонированными стёклами. Он шёл на высокой скорости и, не снижая её, врезался в заднее крыло внедорожника, разворачивая его поперёк дороги.

Раздался скрежет металла, визг тормозов, глухой удар. Внедорожник закрутило и выбросило на обочину. Минивэн и джип блокировали дорогу, полностью перекрывая проезд.

Водитель Сергея, не сбавляя скорости, объехал образовавшуюся пробку по встречной полосе и помчался дальше.

— Что это было? — выдохнула Соня, поднимая голову.

— Не знаю, — ответил Сергей, оглядываясь назад. — Но, кажется, нас только что спасли.

Остаток пути до аэропорта прошёл в молчании. Сергей прокручивал в голове случившееся. Покушение. Звонок Зорина. Неизвестные спасители, появившиеся в самый критический момент. Всё это складывалось в картину, которая ему очень не нравилась. Слишком много игроков, слишком много интересов, и он, Сергей, снова в центре этой паутины, даже не успев понять, кто за какие ниточки дёргает.

* * *

В то же самое время, на перегороженной трассе, среди облака пыли и пара из разбитых радиаторов, из серебристого минивэна вышел невысокий коренастый мужчина с седыми висками и характерным, запоминающимся профилем. Он был одет в светлый лёгкий костюм, совершенно не подходящий для прохладного майского вечера, но держался так, словно находился на светском приёме, а не на месте спровоцированного ДТП.

Жуан Алмейда опёрся на дверцу минивэна и посмотрел вслед удаляющемуся серому седану, который уже почти скрылся за поворотом. Его губы тронула лёгкая, едва заметная улыбка.

Вокруг него его люди — шестеро мужчин с военной выправкой, одетые в штатское, но двигающиеся с той особой слаженностью, которая выдаёт профессионалов, — уже блокировали выбирающихся из внедорожника киллеров. Те стояли, угрюмо глядя в землю. Их оружие — два пистолета и укороченный автомат — уже перекочевало в руки людей Алмейды.

— Сеньор Алмейда, — к нему подошёл один из его людей, — эти четверо — наёмники. Говорят, заказ пришёл из Москвы. Исполнители местные, португальцы. Оружие изъяли. Что с ними делать?

Алмейда перевёл взгляд на киллеров.

— Отпустите, — сказал он спокойно. — Они всего лишь инструмент. Сломанный инструмент выбрасывают, но не наказывают. Пусть передадут заказчику, что русские находятся под нашей защитой. И если они попытаются ещё раз, ответ будет совершенно иным.

Он снова посмотрел на дорогу, где скрылся седан. Солнце уже окончательно село, и над холмами сгушалась тьма. Алмейда достал из кармана телефон, быстро набрал сообщение и нажал «отправить».

— Счастливого пути, друзья мои, — прошептал он по-русски, с лёгким, почти незаметным акцентом. — До скорой встречи. Нам многое предстоит обсудить.

Он сел обратно в минивэн, и машины его людей, освободив проезд, растворились в португальских сумерках.

* * *

В аэропорту их встретил ещё один человек Зорина — молчаливый мужчина в штатском, который провёл их через служебный вход, минуя общую очередь на досмотр. Им вручили билеты, новые паспорта — на случай, если старые «засвечены», и небольшую сумку с вещами первой необходимости.

Сергей уже собирался убрать телефон, когда тот завибрировал. Сообщение с неизвестного номера:

«*Boa viagem. Até breve. J.A.*» — «Счастливого пути. До скорой встречи. Ж.А.»

Сергей замер, глядя на экран. Соня, заметив его реакцию, заглянула через плечо.

— Ж.А. — это Алмейда? — спросила она.

— Похоже на то, — медленно ответил Сергей. — Значит, это были его люди. Он спас нас. И, судя по сообщению, мы скоро с ним встретимся.

— Но зачем? И откуда он узнал о покушении?

— Это нам и предстоит выяснить. В Москве.

Человек Зорина, терпеливо ждавший, пока они закончат, добавил:

— Полковник Зорин будет ждать вас в Москве. Он просил передать, что ситуация серьёзная и вам нужно быть предельно осторожными. В самолёте ни с кем не разговаривайте, по прибытии сразу идите к выходу из зоны прилёта, вас встретят.

— Полковник? — переспросил Сергей.

— Так точно. Алексею Викторовичу присвоили звание месяц назад. И расширили полномочия. Теперь у него целое управление.

Сергей и Соня переглянулись. Значит, Зорин пошёл на повышение. И, судя по тому, что он так срочно выдёргивает их из Португалии, дело, в которое он их втягивает, — не рядовое.

В самолёте они заняли места в хвосте, подальше от других пассажиров. Сергей снова и снова прокручивал в памяти короткий разговор с Зориным, пытаясь уловить интонации, недосказанности. «Ваше убежище раскрыто. На вас готовится покушение». Откуда он узнал? Перехват переговоров — чьих? Кто заказчик? И почему Алмейда, португальский историк, оказался в нужном месте в нужное время с группой подготовленных людей?

Соня, сидевшая рядом, положила голову ему на плечо и, кажется, задремала. Сергей же спать не мог. Он смотрел в иллюминатор на тёмное небо и редкие огни внизу и думал о том, что их тихая жизнь закончилась. Снова.

В Москву самолёт приземлился ранним утром. Майская столица встретила их ярким солнцем, свежей зеленью и запахом распускающихся листьев. После мягкой португальской весны московская погода показалась особенно бодрящей. Сергей, вдохнув прохладный, пахнущий тополиными почками воздух, почувствовал странное облегчение. Он был дома. Он скучал по этому воздуху, по этому небу, по этой суете. И сейчас, стоя на трапе, он вдруг понял, что говорил Соне правду: здесь был его дом. Здесь были его корни. И здесь ему предстояло снова вступить в игру, ставки в которой — не только его жизнь, но и нечто гораздо большее.

У выхода из зоны прилёта их ждали двое. Один — высокий, плечистый, с короткой стрижкой и цепким взглядом. Второй — пониже, в очках, с папкой в руках. Первый представился Виктором, второй — аналитиком отдела Зорина, Алексеем.

— Полковник ждёт вас завтра в десять утра, — сказал Алексей. — А пока отвезём вас на конспиративную квартиру. Там всё готово.

— Конспиративная квартира? — переспросила Соня. — Мы что, не можем поехать к себе домой?

— Ваша московская квартира, Софья Николаевна, находится под наблюдением, — ответил Виктор. — Мы зафиксировали активность неизвестных лиц в вашем районе. Пока не выясним, кто это и с какой целью, вам лучше пожить в безопасном месте.

Сергей и Соня переглянулись. Вот оно. Значит, охота продолжается и здесь, в Москве. Они не просто так уехали — угроза была реальной, и теперь она снова нависла над ними.

— Хорошо, — сказал Давыдов. — Поехали.

Конспиративная квартира оказалась просторной «трёшкой» в сталинском доме на Кутузовском проспекте. Обставлена скромно, но со вкусом. В холодильнике — продукты, в ванной — новые полотенца. Чувствовалась рука заботливого хозяйственника.

Когда Виктор и Алексей ушли, Сергей первым делом проверил окна, двери и балкон. Всё было надёжно закрыто. Потом он достал телефон и перечитал сообщение от Алмейды: *«Счастливого пути. До скорой встречи»*.

— Что думаешь? — спросила Соня, садясь рядом на диван. — Кто он нам — друг или враг?

— Не знаю, — честно ответил Сергей. — Но он спас нам жизнь. И он явно хочет, чтобы мы были в Москве. Зачем — узнаем завтра. А пока — давай попробуем поспать. Завтра будет трудный день.

Они легли в непривычной обстановке, но усталость взяла своё — оба уснули быстро. Сергею снова снился лабиринт, но на этот раз он не был один. Рядом шла Соня, а впереди, в конце тёмного коридора, стоял Алмейда и улыбался. И в его руке был ключ.

Глава 2. Новая «Пальмира»

Сергей проснулся первым. Несколько секунд он лежал неподвижно, глядя в незнакомый потолок и пытаясь сообразить, где находится. Бежевые обои, плотные шторы, сквозь которые пробивается яркое майское солнце, приглушённый гул Кутузовского проспекта за окном. Потом память вернулась: Португалия, звонок Зорина, погоня, Алмейда, самолёт, Москва. Конспиративная квартира.

Он осторожно повернул голову. Соня спала рядом, свернувшись калачиком и натянув одеяло до самого подбородка. Её дыхание было ровным и спокойным, и Сергей на мгновение позавидовал этой способности отключаться от тревог хотя бы во сне. Сам он спал урывками, снова и снова прокручивая в голове вчерашние события.

Он бесшумно встал, накинул халат, висевший на спинке стула, и прошёл на кухню. В холодильнике обнаружился стандартный набор для конспиративной квартиры: яйца, масло, сыр, колбаса, свежий хлеб, кофе в зёрнах. Кто-то из людей Зорина явно позаботился о том, чтобы у гостей не было необходимости выходить в магазин в первый же день.

Сергей включил кофеварку, разбил пару яиц на сковороду и застыл у окна, глядя на просыпающуюся Москву. Майское утро было на удивление ясным. Солнце заливало проспект, зелень на деревьях казалась почти неестественно яркой после полугодичного отсутствия. Люди спешили по своим делам, машины гудели в пробке, где-то вдалеке слышался перезвон трамвая. Обычная московская суeta. И он, Сергей Давыдов, снова был её частью.

— Доброе утро, — раздался сзади сонный голос.

Соня появилась на кухне, закутанная в одеяло. Волосы растрёпаны, глаза припухшие, но взгляд уже цепкий, анализирующий.

— Доброе. Кофе почти готов. Яичницу будешь?

— Буду. И кофе. Много кофе.

Она села за стол, поджав под себя ноги, и принялась наблюдать за его манипуляциями со сковородой. Несколько минут прошли в молчании — том уютном, комфортном молчании, которое возможно только между очень близкими людьми.

— Что думаешь о вчерашнем? — спросила она наконец.

— Думаю, что мы вляпались во что-то серьёзное. Опять. Зорин не стал бы выдёргивать нас так срочно, если бы речь шла о рядовой угрозе. И Алмейда... Его появление слишком своевременное, чтобы быть случайностью.

— Может, он с ними заодно? С теми, кто охотится за книгой?

— Не похоже. Если бы он был с ними, зачем спасать нас? Проще было дать киллерам сделать своё дело, а потом перехватить документы. Нет, ему нужно, чтобы мы были живы. И чтобы мы были в Москве.

— И что мы будем делать?

— Для начала — встретимся с Зориным. Послушаем, что он скажет. А дальше... — Сергей пожал плечами, перекладывая яичницу на тарелки. — Дальше будем действовать по обстановке. Как всегда.

Ровно в девять утра в дверь позвонили. Виктор, всё тот же плечистый охранник, приехал за ними на неприметной серой «Тойоте».

— Полковник ждёт вас, — коротко сообщил он.

Машина выехала из города и вскоре свернула на территорию старой промзоны где-то в ближнем Подмосковье. За обшарпанным забором, который выглядел заброшенным, скрывался тщательно охраняемый периметр. КПП с вооружённой охраной, шлагбаум, камеры. Виктор показал пропуск, и их пропустили внутрь.

Здание, в котором располагался отдел Зорина, представляло собой трёхэтажный корпус из красного кирпича — бывший административный корпус какого-то советского завода. Снаружи оно выглядело неказисто: облупившаяся штукатурка, старые окна, никаких вывесок. Но внутри всё было отремонтировано и оборудовано по последнему слову техники.

Зорин встретил их в своём кабинете на втором этаже. Кабинет был просторным, но аскетичным: массивный дубовый стол, несколько стульев, книжные шкафы, забитые папками, большой экран на стене. Из окна открывался вид на внутренний двор с чахлыми деревьями и старым фонтаном, который, судя по всему, не работал уже много лет.

— Рад вас видеть живыми и здоровыми, — сказал Зорин, пожимая руки. — Проходите, садитесь. Кофе?

— Не откажемся, — ответил Сергей.

Пока Зорин колдовал над кофемашиной, Сергей оглядел кабинет. Всё здесь говорило о том, что хозяин — человек дела, не склонный к излишествам. Минимум личных вещей, максимум рабочих материалов. На стене — карта Московской области с воткнутыми в неё разноцветными флажками. На отдельной полке — несколько папок с грифами «Секретно» и «Совершенно секретно».

— Как вам новый офис? — спросил Зорин, перехватив его взгляд. — Не Лубянка, конечно, но зато своё. И соседей нет — все корпуса вокруг пустыют.

— Скромно, но со вкусом, — оценил Сергей. — А что с «Пальмирой»? Вы говорили, что документы оформлены.

— Оформлены, — кивнул Зорин. — Я подобрал вам помещение в Москва-Сити. Башня «Федерация», пятьдесят второй этаж. Вид на город — потрясающий. Морозов постарался —

аренда оплачена на год вперёд, штат минимальный, но люди проверенные. Съездите, посмотрите. А пока — к делу.

Он сел за стол и взял в руки пульт. На экране появилась старая чёрно-белая фотография двухэтажного особняка с колоннами.

— Это спецдача №14 в Красково. В феврале 1933 года там была основана секретная лаборатория под кодовым названием «Андроген». Официально — изучение древних текстов. Неофициально — две главные цели: поиск универсального катализатора для превращения любых металлов в золото и создание «эликсира молодости» для продления жизни правящей элиты СССР.

— Алхимия, — прокомментировал Сергей. — Они всерьёз этим занимались?

— Всерьёз. Руководил проектом лично Менжинский. Научную часть возглавлял академик Савельев. Но к концу тридцатых результатов не было, проект закрыли, а большинство участников расстреляли.

— При чём здесь Брюс? — спросила Соня.

— Именно из-за Брюса документы и попали в «Андроген». Когда в 1934 году перед сносом Сухаревой башни сотрудники НКВД обследовали подземелья, они нашли замурованную комнату с сундуками Брюса. Там были его личные бумаги, дневники, чертежи. Поскольку Брюса считали алхимиком, всё это передали в «Андроген» — в надежде найти рецепты. Но среди бумаг оказались документы совсем иного рода.

Зорин переключил слайд. На экране появилась копия машинописного протокола с грифом «Совершенно секретно».

— Выписка из допроса сотрудника НКВД Никифорова, 1938 год. Он участвовал в изъятии. Цитирую: *«Среди бумаг Брюса были чертежи акустических устройств и тетрадь с заголовком „Oculus Dei“. Эти документы не имели отношения к алхимии, поэтому их передали в другой отдел — в спецхран НКВД, до особого распоряжения».*

Зорин отложил пульт и посмотрел на Сергея.

— Куда именно их передали и что с ними стало — неизвестно. Но мы знаем, кто мог с ними работать. Профессор Семён Реутов, физик-акустик. В конце тридцатых он трудился в том самом секретном отделе. В сорок первом его арестовали, дали десять лет лагерей. Выжил. После освобождения жил в Звенигороде, преподавал. Умер в 1975 году.

— И вы хотите, чтобы мы нашли его потомков? — догадался Сергей.

— Уже нашли. Внук Реутова, Андрей Семёнович, живёт в Звенигороде. Ему за семьдесят, инженер на пенсии. Мы с ним связались, он согласился на встречу. По нашим данным, перед смертью профессор передал внуку папку с какими-то документами. Что в ней — неизвестно. Но если там есть хоть что-то о документах Брюса, это может стать прорывом.

Зорин сделал паузу.

— Я хочу, чтобы вы поехали к Реутову. Поговорили с ним. Вы — гражданские, у вас своё агентство, вы не вызовете у старика отторжения. А я обеспечу прикрытия.

— Когда ехать?

— Чем раньше, тем лучше. Завтра. А сегодня осмотритесь в новом офисе. И вот ещё что...

Зорин достал из папки фотографию мужчины в очках.

— Стивен Коллинз, ЦРУ под дипломатическим прикрытием. Он координировал покушение на вас в Португалии. Мы его ведём. Он тоже интересовался Реутовым — ездил в Звенигород, представлялся журналистом. К старику не попал, но сам факт говорит о том, что американцы идут по тому же следу. Будьте осторожны.

— Мы учтём.

— И последнее. Алмейда прилетел в Москву сегодня утром. Билет на его настоящее имя. Остановился в «Метрополе». Мои люди его ведут.

— Он назначил нам встречу, — сказал Сергей. — Сегодня в полдень, на Чистых прудах. Зорин кивнул.

— Идите. Узнайте, что ему нужно. И будьте осторожны. Он — потомок тамплиеров, у него могут быть свои интересы.

* * *

Офис в Москва-Сити превзошёл все ожидания. Пятьдесят второй этаж башни «Федерация», панорамные окна от пола до потолка, за которыми расстилалась Москва — от излучины Москвы-реки до горизонта, теряющегося в майской дымке. Современная мебель, переговорная с большим экраном, кабинет директора с массивным столом и кожаным креслом, отдельная комната для хранения документов с сейфом.

— Ничего себе, — выдохнула Соня, прижимаясь лбом к стеклу. — Вот это вид.

Сергей кивнул, оглядываясь. Да, Морозов умел делать широкие жесты. Аренда такого помещения на год вперед стоила целое состояние. Впрочем, для человека, который только что подарил им целое агентство, это были мелочи.

Их встретила Нина Петровна, бухгалтер — сухая деловитая женщина лет пятидесяти, которая уже разложила на столе папки с документами.

— Сергей Сергеевич, Софья Николаевна, добро пожаловать. Вот документы на агентство, вот текущие счета, вот список сотрудников. Штат минимальный: я, секретарь Лена и два аналитика — Михаил и Григорий. Остальных будете нанимать сами. Также пришло несколько запросов от господина Морозова — оценка коллекции французской бронзы XIX века и экспертиза нескольких икон предположительно новгородской школы. Сроки — месяц.

— Вот и работа для тебя, — улыбнулся Сергей, поворачиваясь к Соне. — Займёшься?

— С удовольствием, — ответила она. — А ты?

— А я, похоже, буду мотаться по Подмосковию с Зориным и разбираться с секретными архивами. Но ты всегда можешь ко мне присоединиться, если станет скучно.

— Договорились. А пока — давай посмотрим, что тут у нас.

Они провели пару часов, разбирая бумаги и знакомясь с сотрудниками. Михаил, высокий и худощавый аналитик с вечно взлохмаченными волосами, специализировался на средневековой истории и криптографии. Григорий, коренастый и обстоятельный, был экспертом по архивному делу и умел находить информацию там, где её, казалось, быть не могло. Оба производили впечатление людей увлечённых и компетентных.

В полдень Сергей оставил Соню в офисе — она уже углубилась в изучение фотографий французской бронзы, — а сам спустился вниз и пешком дошёл до Чистых прудов. Солнце припекало по-весеннему, на скамейках сидели мамы с колясками, пенсионеры кормили голубей. Обычная московская идиллия.

На скамейке напротив, в тени старого тополя, сидел человек в светлом костюме. Жуан Алмейда. Он читал газету и, казалось, совершенно не интересовался окружающим. Но когда Сергей подошёл и сел рядом, португалец отложил газету и улыбнулся.

— Сеньор Давыдов. Рад видеть вас в добром здравии. Как долетели?

— Благодаря вам — хорошо. Спасибо за помощь на дороге.

— Пустое. Я не мог допустить, чтобы мои новые друзья пострадали от рук наёмников.

— Кто заказчик?

— ЦРУ. Конкретно — некий Стивен Коллинз. Но вы это, вероятно, уже знаете от вашего друга полковника.

Сергей не стал отрицать.

— Что вам нужно, сеньор Алмейда? Зачем вы спасли нас? Зачем прилетели в Москву? Алмейда откинулся на спинку скамейки и посмотрел на пруд.

— Я ищу «Книгу Света». Первоисточник *Oculus Dei Templaris*. Мои исследования в Португалии зашли в тупик, и я понял, что следы ведут в Россию. Конкретно — к бумагам Якова Брюса. Вы идёте по тому же следу. Я предлагаю объединить усилия.

— Почему мы должны вам доверять?

— Потому что я — потомок тамплиеров, — спокойно ответил Алмейда. — Мой предок, рыцарь Ордена Храма, бежал в Португалию после разгрома 1307 года. Он вывез часть архива, который моя семья хранила веками. Я знаю то, чего не знает никто. И я могу помочь вам найти то, что вы ищете. Взамен прошу только одного: когда мы найдём «Книгу Света», вы позволите мне изучить её. Мне не нужна власть. Мне нужна истина.

Сергей долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Хорошо. Мы едем к Реутову завтра утром. Вы можете поехать с нами. Но учтите: если вы попытаетесь нас предать, полковник Зорин об этом узнает. И тогда разговор будет совсем другим.

Алмейда улыбнулся.

— Я не сомневаюсь. Что ж, до завтра, сеньор Давыдов. Встретимся здесь же в девять утра. Он встал и, не оглядываясь, пошёл по аллее в сторону бульварного кольца. Сергей проводил его взглядом и вернулся в офис.

Соня всё ещё сидела над фотографиями бронзы.

— Ну как? — спросила она, не поднимая головы.

— Всё нормально. Алмейда хочет сотрудничать. Говорит, он потомок тамплиеров и ищет истину. Завтра едет с нами к Реутову.

— Думаешь, ему можно верить?

— Пока не знаю. Но он спас нам жизнь. И он знает то, чего не знаем мы. Посмотрим.

Соня кивнула и снова углубилась в работу. Сергей сел за свой стол и открыл ноутбук. Впереди был трудный день. И, судя по всему, не менее трудная поездка в Звенигород.

Глава 3. Наследник «Бесогона»

Сергей сидел на переднем пассажирском сиденье и смотрел в окно. Виктор, как всегда молчаливый и сосредоточенный, вёл машину — тёмно-синий «Фольксваген Туарег» с тонированными стёклами, который Зорин выделил для поездки. На заднем сиденье расположился Алмейда. Португалец, казалось, дремал, откинувшись на подголовник, но Сергей заметил, как его глаза время от времени приоткрываются, цепко оглядывая дорогу в боковое зеркало. Привычка профессионала — никогда не расслабляться до конца.

За окном проплывала подмосковная весна — та особенная, среднерусская, которую не спутаешь ни с какой другой. Майское солнце, ещё не жаркое, но уже щедрое, заливало поля и перелески мягким золотистым светом. Берёзовые рощи стояли в нежной, почти прозрачной зелени — той самой, что бывает только в первые недели после распускания почек. Кое-где ещё белели островки снега в глубоких оврагах, но на пригорках уже желтели первые одуванчики. Воздух, проникавший в приоткрытое окно, пах талой водой, влажной землёй и чем-то неуловимо родным — тем самым запахом, от которого у Сергея с детства щемило сердце.

Он вдруг поймал себя на мысли, что улыбается. Просто так, без причины. Полгода в Португалии — океан, скалы, вечнозелёные оливы — всё это было прекрасно, но чужое. А здесь, среди этих берёз, этих бескрайних полей с чёрными проплешинами пашни, этих покосившихся деревенских домов с резными наличниками, он чувствовал себя дома. По-настоящему дома. Каждая мелочь — покосившийся указатель на совхоз имени Ленина, старый трактор на обочине, бабушка с сумкой на колёсиках, бредущая по обочине к автобусной остановке, — всё это отзывалось в душе теплом и покоем.

— Сеньор Давыдов, — раздался сзади голос Алмейды, — вы улыбаетесь, как ребёнок, которому показали новую игрушку.

Сергей обернулся. Португалец уже не дремал — он сидел, выпрямившись, и с интересом смотрел в окно.

— Радуюсь, — честно признался Сергей. — Полгода не был дома. Скучал.

— Понимаю, — кивнул Алмейда. — Я сам, когда долго отсутствую в Португалии, начинаю тосковать по запаху океана и вкусу портвейна. Но у вас здесь... по-другому. Более сурово, что ли. Но есть в этом какая-то особая красота.

Он замолчал, глядя на проплывающую за окном деревеньку — несколько покосившихся изб, старую церквушку с облупившейся колокольной, стадо гусей, переходящих дорогу. Виктор притормозил, пропуская птиц, и негромко выругался сквозь зубы.

— Знаете, сеньор Давыдов, — снова заговорил Алмейда, — на Западе о России говорят много плохого. Дикая страна, агрессивная, непредсказуемая. Люди здесь угрюмые, неприветливые, вечно пьяные. Я слышал это сотни раз — от коллег, от журналистов, от политиков. Но когда я впервые приехал сюда много лет назад, ещё молодым исследователем, я увидел совсем другое.

Он сделал паузу, подбирая слова.

— Я увидел людей, которые могут отдать последнее незнакомцу, попавшему в беду. Которые часами будут сидеть на кухне и говорить о жизни, о смысле, о Боге — и это не пустые разговоры, а настоящая потребность души. Которые умеют слушать и слышать. Да, они могут быть резкими, даже грубыми снаружи, но внутри... внутри у многих из них — такой свет, какого я не встречал в благополучной, сытой Европе. Там всё правильно, всё по правилам, но души нет. А здесь — есть.

Сергей слушал молча. Он не ожидал от португальца такой откровенности. Алмейда, заметив его удивлённый взгляд, усмехнулся.

— Я говорю это не для того, чтобы польстить вам. Просто хочу, чтобы вы понимали: я здесь не как враг. Я здесь, потому что верю — истина, которую мы ищем, должна быть найдена именно здесь, в России. И храниться она должна здесь. Ваша страна веками была щитом, о который разбивались волны завоевателей и лжецов. И то, что архив тамплиеров оказался здесь, — не случайность. Это судьба.

В машине повисла тишина. Виктор, никак не комментируя услышанное, свернул с трассы на более узкую дорогу, ведущую к Звенигороду. Дорога пошла через лес — сосны и ели стояли стеной, и солнечный свет пробивался сквозь кроны косыми золотыми столбами. Пахло хвоей и нагретой смолой.

Сергей думал о словах Алмейды. В них была правда — та самая, которую он сам чувствовал, но никогда не формулировал. Россия действительно была другой. Не лучше и не хуже — просто другой. И то, что древние тайны, способные изменить мир, оказались именно здесь, действительно казалось не случайностью, а чем-то большим.

— Приехали, — коротко бросил Виктор, прерывая его размышления.

Машина остановилась у невысокого деревянного забора, за которым виднелся аккуратный домик с мансардой, выкрашенный в светло-зелёный цвет. На участке — яблони, ещё не цветущие, но уже покрытые набухшими почками, грядки с чем-то зеленеющим, старая «Нива» у ворот. Обычный дом обычного пенсионера. Ничто не говорило о том, что здесь живёт наследник секретов, способных перевернуть мировую историю.

— Я подожду здесь, — сказал Виктор. — Если что — сигнальте.

Сергей и Алмейда вышли из машины. Воздух здесь был ещё чище, чем на трассе, — пахло яблонями, влажной землёй и дымком из печной трубы. Где-то вдалеке лаяла собака, и этот звук, такой обычный, деревенский, окончательно успокоил Сергея. Он чувствовал себя странно: с одной стороны — важность момента, с другой — почти забытое ощущение уюта и покоя.

Калитка была не заперта. Они прошли по выложенной плиткой дорожке к крыльцу. Сергей нажал кнопку звонка. Где-то в глубине дома раздалась трель.

Дверь открыл пожилой мужчина в клетчатой рубашке и старых вельветовых брюках. Ему было за семьдесят, но держался он прямо, и в его глазах — светлых, выцветших от возраста, — читался живой, цепкий ум. Седые волосы аккуратно зачёсаны назад, на носу — очки в тонкой металлической оправе.

— Андрей Семёнович Реутов? — спросил Сергей.

— Он самый, — ответил старик, оглядывая гостей. — А вы, стало быть, из этого... агентства? «Пальмира»?

— Да. Сергей Давыдов, директор. А это мой коллега, Жуан Алмейда, историк из Португалии.

Реутов перевёл взгляд на Алмейду, чуть прищурился, но ничего не сказал. Только постоял, пропуская гостей в дом.

Внутри было чисто и как-то по-стариковски уютно. Старая мебель, книги на полках, на стенах — пожелтевшие фотографии в рамках. В углу гостиной — массивный дубовый стол, покрытый вышитой скатертью, на нём — ваза с печеньем и электрический самовар.

— Чаю? — предложил хозяин.

— Не откажемся, — ответил Сергей.

Пока Реутов возился с чайником, Сергей оглядывал комнату. На одной из фотографий он заметил молодого человека в военной форме — видимо, сам Андрей Семёнович в молодости. Рядом — фотография пожилого мужчины с усталым лицом и пронзительными глазами. Того самого профессора Реутова, чьё фото он уже видел в материалах Зорина.

— Это ваш дед? — спросил он, кивая на снимок.

Старик обернулся, проследил за его взглядом и кивнул.

— Семён Ильич. Царствие ему небесное. Хороший был человек. Умный, честный. Слишком честный для того времени.

Он поставил на стол три чашки с дымящимся чаем, вазочку с вареньем и тарелку с сушками.

— Я знаю, зачем вы приехали, — сказал он, садясь напротив. — Мне звонили... оттуда. — Он неопределённо махнул рукой, явно имея в виду людей Зорина. — Сказали, что вы интересуетесь работами деда. Я долго думал, стоит ли ворошить прошлое. Но потом решил: дед хотел, чтобы правда когда-нибудь вышла наружу. Он мне это перед смертью сказал. «Андрюша, — говорит, — придёт время, и люди узнают то, что мы пытались спрятать. Ты только сохрани». И я сохранил.

Он встал, подошёл к старому книжному шкафу и, отодвинув несколько томов, извлёк потёртую папку из коричневого картона, перевязанную выцветшей тесьмой.

— Вот. Всё, что осталось от дедовых работ. Он передал мне это в семьдесят пятом, за месяц до смерти. Сказал: «Здесь то, за что меня посадили. И то, что я не успел закончить. Может, тебе никогда не пригодится, но уничтожать нельзя. Храни».

Сергей осторожно взял папку. Она была тяжёлой — не физически, а какой-то другой, исторической тяжестью. Он развязал тесьму и открыл её.

Внутри лежали пожелтевшие листы, исписанные убористым почерком, чертежи на кальке, несколько машинописных страниц с грифами «Секретно» и «Совершенно секретно», а также тонкая тетрадь в коленкоровом переплёте с заголовком «Наблюдения. 1938–1940».

— Это дневник деда, — пояснил Реутов. — Он вёл его во время работы в... как же это называлось... «Андроген», кажется. Или это другое? У него было несколько проектов. Он мне рассказывал, но я тогда молодой был, не всё запоминал. Да и боялся запоминать — времена были такие, что лишнее знание могло стоить жизни.

Сергей начал осторожно перебирать бумаги. Чертежи изображали странные устройства — что-то вроде огромных труб с раструбами, соединённых с резонаторами и какими-то механическими приспособлениями. На полях — формулы, расчёты частот, пометки на латыни. Он узнал некоторые символы — те самые, что встречались в *Oculus Dei*.

— Дед был физиком-акустиком, — продолжал старик. — Он занимался изучением звуковых волн. Сначала в Институте мозга, потом его перевели куда-то... в секретную лабораторию. Он никогда не рассказывал подробно — только однажды, уже после лагерей, когда выпил немного, обмолвился, что они пытались создать что-то вроде «звукового оружия». Но что-то пошло не так. Люди пострадали. И проект закрыли, а всех, кто знал, — посадили.

— Вы говорили, что дед был арестован в сорок первом? — уточнил Алмейда, который до этого молча слушал, внимательно разглядывая чертежи.

— Да. В июне, сразу после начала войны. Пришли ночью, забрали. Мать рассказывала — она тогда ещё девчонкой была. Деда обвинили в шпионаже в пользу Германии. Полный бред, конечно, — он всю жизнь на страну работал, не жалея себя. Но тогда такие обвинения лепили кому угодно. Дали десять лет. Отсидел от звонка до звонка, в Норильске. Вернулся в пятьдесят первом — седой, больной, но не сломленный. Устроился преподавателем в техникум, женился, родился мой отец... Так и жил. О прошлом старался не говорить. Только вот папку эту хранил.

Сергей перевернул несколько страниц дневника. Почерк был мелким, но разборчивым. Он пробежал глазами несколько строк:

«12 марта 1939 г. Сегодня получили новую партию документов из архива. Бумаги XVIII века, предположительно принадлежавшие Я.В. Брюсу. Среди них — чертежи акустических устройств и рукопись на латыни с заголовком „Oculus Dei“. Коллеги из алхимического отдела сказали, что это не их профиль, передали нам. Я начал предварительный перевод...»

— Вот оно, — прошептал Сергей. — Брюс. *Oculus Dei*. Они действительно попали к Реутову.

Он продолжил листать. Дальше шли страницы с латинскими фразами, переведёнными на русский, формулы, расчёты частот, описания экспериментов. На одной из страниц — запись, сделанная, судя по почерку, в сильном волнении:

«7 октября 1939 г. Эксперимент № 14. Частота 7,2 Гц, мощность по шкале 3. Объект — заключённый № 47. Через 4 минуты воздействия объект начал проявлять признаки сильнейшего беспокойства, затем — паники. Кричал, пытался разбить стекло камеры. Ещё через 2 минуты потерял сознание. Приведён в чувство, но остаётся в состоянии глубокой депрессии. Отказывается от пищи. Эффект превзошёл ожидания, но цена... Не уверен, что мы имеем право продолжать».

Сергей почувствовал, как холодок пробежал по спине. Вот они, те самые испытания на людях, о которых упоминал Зорин. Заключённый № 47 — кто он был? Уголовник, политический? И сколько их было, этих безымянных подопытных?

Он перевернул ещё несколько страниц. Запись от 15 декабря 1939 года:

«Получен приказ сверху: все материалы, не относящиеся напрямую к алхимическим изысканиям, передать на хранение в спецчасть НКВД. Наш отдел расформировывают. Оборудование демонтируют. Коллеги подавлены. Я пытался возражать — говорил, что мы только начали понимать природу явления. Бесполезно. Завтра опечатывают лабораторию. Документы, включая переводы из „Oculus Dei“, упаковывают в ящики. Куда их повезут — не говорят. В накладной указано: „Объект № 14. Особый архив“. Что это значит — неизвестно».

— Объект № 14, — вслух произнёс Сергей.

Алмейда поднял голову от чертежей.

— Что?

— В дневнике. Реутов пишет, что документы, включая перевод *Oculus Dei*, были переданы на «Объект № 14. Особый архив». Вы знаете, что это может быть?

Алмейда покачал головой.

— Нет. Но, судя по контексту, это какой-то спецхран НКВД. Возможно, тот самый, куда свозили самые секретные документы, не подлежащие уничтожению, но и не предназначенные для текущей работы.

— Зорин должен знать, — сказал Сергей. — У него есть доступ к архивам.

Он бережно закрыл дневник и посмотрел на Реутова.

— Андрей Семёнович, мы можем забрать эти документы? Обещаю, они будут в полной сохранности и вернутся к вам, как только мы закончим работу. Или, если вы не против, мы можем передать их в архив ФСБ — они там будут под надёжной охраной.

Старик долго смотрел на папку. Потом махнул рукой.

— Забирайте. Дед хотел, чтобы правда вышла наружу. Я своё дело сделал — сохранил. Теперь ваша очередь.

Сергей аккуратно уложил бумаги обратно в папку, завязал тесьму.

— Спасибо вам, Андрей Семёнович. Вы даже не представляете, как это важно.

— Представляю, — неожиданно твёрдо ответил старик. — Дед говорил: «То, что мы нашли, может изменить мир. И не факт, что в лучшую сторону. Но правда должна быть известна». Я ему верю.

Они допили чай, ещё немного поговорили — о жизни Реутова, о его работе на заводе, о внуках, которые разъехались по стране. Старик оказался интересным собеседником — начитанным, с хорошей памятью и тонким чувством юмора. Сергей поймал себя на мысли, что ему искренне жаль уезжать.

Но время поджимало. Они попрощались, пообещав держать в курсе, и вышли на улицу. Солнце уже поднялось высоко, и день обещал быть тёплым. Сергей глубоко вдохнул свежий воздух и направился к машине.

Виктор, увидев их, вышел из автомобиля и открыл багажник, чтобы Сергей убрал папку.

— Как всё прошло? — спросил он.

— Успешно. Едем обратно.

Они тронулись. Сергей снова смотрел в окно, но теперь мысли его были далеко от весенних пейзажей. «Объект № 14. Особый архив». Что это за место? Сохранилось ли оно до сих пор? И главное — где искать его следы?

Машина выехала из Звенигорода и направилась в сторону трассы. Лес поредел, сменившись полями и редкими деревёнками. Солнце припекало всё сильнее, и Сергей опустил стекло, подставляя лицо тёплому ветру.

— Сеньор Давыдов, — негромко произнёс Алмейда с заднего сиденья. — Взгляните в зеркало. Тёмно-зелёная «Шкода», три машины позади. Она едет за нами от самого Звенигорода.

Сергей бросил взгляд в боковое зеркало. Действительно — позади, держась на почтительном расстоянии, двигался тёмно-зелёный седан. Номера грязные, разобрать сложно.

— Виктор?

— Вижу, — спокойно ответил тот. — Висит на хвосте уже минут пятнадцать. Я проверял — ускорялся, тормозил. Он повторяет манёвры. Профессионал.

— Кто это может быть?

— Вариантов два. Либо люди Зорина — но он предупредил бы. Либо наши друзья из ЦРУ. Коллинз или кто-то из его группы.

Сергей почувствовал, как напряглись мышцы. Вот оно. Значит, американцы действительно идут по тому же следу. И они знают, что Давыдов побывал у Реутова.

— Что будем делать?

— Уходить, — коротко ответил Виктор. — Держитесь.

Он резко прибавил скорость. «Туарег» рванул вперёд, обгоняя попутные машины. «Шкода» позади тоже ускорила, но держалась на том же расстоянии — явно не хотела обнаруживать себя раньше времени.

— Они не пытаются нас догнать, — заметил Алмейда. — Просто следят. Хотят знать, куда мы везём документы.

— Значит, не дадим им этого узнать, — сказал Виктор. — Впереди будет съезд на второстепенную дорогу. Я резко сверну, а вы приготовьтесь — будем менять машину.

— Что? — не понял Сергей.

— У меня в багажнике запасные номера. И в паре километров отсюда стоит вторая машина — старая «Лада», которую никто не будет искать. Переседем, и пусть они ищут «Туарег» по лесам.

Он достал телефон, набрал номер и коротко бросил:

— Объект на хвосте. Работаем по плану «Б». Через пять минут.

Впереди показался съезд на грунтовку, уходящую в лес. Виктор, не снижая скорости, резко вывернул руль. Машина вильнула, закрипели шины, и они нырнули под сень деревьев. Грунтовка была ухабистой, но Виктор гнал так, словно участвовал в ралли.

Через пару километров он свернул на едва заметную лесную дорогу и остановился. Впереди, под навесом из веток, стояла потрёпанная «Лада-Приора» мышиного цвета.

— Быстро! — скомандовал Виктор. — Пересаживаемся. Папку с собой.

Сергей схватил папку с заднего сиденья, Алмейда — свою сумку. Они пересели в «Ладу». Виктор тем временем быстро сменил номера на «Туареге», бросил старые в багажник и сел за руль «Приоры».

— А «Туарег»? — спросил Сергей.

— Оставлю здесь. Мои люди заберут позже. А сейчас — пригнитесь и молчите.

«Лада», чихая и дребезжа, выехала на грунтовку и покатила в сторону, противоположную той, откуда они приехали. Виктор ехал медленно, не привлекая внимания, — обычный деревенский житель на старой машине.

Через несколько минут они выехали на асфальтовую дорогу и влились в поток машин. «Шкоды» нигде не было видно.

— Ушли, — выдохнул Сергей.

— Ушли, — подтвердил Виктор. — Но теперь они знают, что мы были у Реутова. И будут искать встречи. С документами или без — это вопрос времени.

— Значит, нужно быстрее разобраться с «Объектом № 14», — сказал Алмейда. — Пока они не опередили нас.

Сергей кивнул, глядя в окно. Весеннее солнце всё так же светило, но теперь мир за стеклом казался ему не уютным и родным, а полным скрытых угроз. Игра продолжалась. И ставки росли.

* * *

В Москву они вернулись уже затемно. Виктор высадил Сергея и Алмейду у офиса «Пальмиры» в Москва-Сити — там их ждала Соня, которая весь день занималась заказами Морозова и волновалась, не находя себе места.

Увидев Сергея живым и невредимым, она бросилась ему на шею.

— Я так переживала! Звонила тебе, но телефон был вне зоны.

— Всё нормально, — успокоил он её. — Были небольшие приключения, но мы справились.

Он показал папку.

— Это документы Реутова. И ещё мы знаем, что архив Брюса был передан на «Объект № 14». В какой-то особый архив. Теперь нужно выяснить, что это за объект.

Они расположились в переговорной. Сергей разложил на столе бумаги Реутова, и они вместе с Соней и Алмейдой принялись разбирать записи. Среди машинописных страниц и чертежей нашёлся сложенный вчетверо лист — схема какого-то подземного сооружения. Судя по подписям, сделанным рукой профессора, это был план спецхрана.

— Смотрите, — Сергей ткнул пальцем в чертёж. — Основное здание — двухэтажный особняк. Это, судя по описанию, та самая спецдача № 14 в Красково, где располагалась лаборатория «Андроген». Но хранилище документов находилось не в нём.

Он провёл пальцем по пунктирной линии, уходящей в сторону.

— Вот. Подземный ход ведёт к соседнему зданию. Здесь подпись: «Вход через подвал дома № 6 по Советской улице». Сейчас это здание, видимо, уже снесли — Красково с тех пор перестраивалось не раз. Но Реутов оставил примечание: «Запасной вход — через старую почту. Ул. Почтовая, 2. Подвал. Люк за печью».

Сергей поднял глаза на Алмейду.

— Старая почта. Если она сохранилась, то у нас есть шанс попасть в хранилище незаметно. А если нет...

— Нужно проверить, — сказал Алмейда. — Это может быть единственный путь.

В этот момент у Сергея зазвонил телефон. На экране высветилось: «Зорин».

— Лёгко на помине, — усмехнулся он и ответил. — Да, Алексей Викторович?

— Давыдов, — голос полковника звучал напряжённо. — У меня плохие новости. Только что перехватили переговоры Коллинза с резидентурой. Они знают, что вы были у Реутова. И они вычислили «Объект № 14». Это спецдача в Красково, где сидела лаборатория «Андроген». Коллинз с группой уже выехал туда.

Сергей переглянулся с Алмейдой.

— Алексей Викторович, они едут не туда.

— Что?

— В дневнике Реутова есть план. Архив Брюса хранился не в самом особняке, а в подземном бункере под соседним зданием. Того здания давно нет, но есть запасной вход — через подвал старой почты на Почтовой улице. Если почта сохранилась, мы можем попасть в хранилище. А американцы будут копать в руинах дачи и ничего не найдут.

В трубке повисла пауза. Потом Зорин хмыкнул:

— Вот это поворот. Значит, у нас есть фора. Но действовать нужно быстро. Как только они поймут, что в особняке пусто, начнут искать альтернативные пути. И могут выйти на ту же почту.

— Что предлагаете?

— Встречаемся завтра в шесть утра у моего офиса. А сейчас — отдыхайте. Завтра будет тяжёлый день.

— Принято, — сказал Сергей и отключился.

Он повернулся к Соне и Алмейде.

— Завтра едем в Красково. У нас есть шанс добраться до архива Брюса раньше американцев. Но нужно быть готовыми ко всему.

Соня согласно наклонила голову. Она понимала, что снова остаётся в Москве, и это её тревожило, но спорить не стала — у каждого в этой игре была своя роль.

Алмейда задумчиво смотрел на схему.

— Знаете, сеньор Давыдов, — произнёс он негромко, — меня не перестаёт удивлять, как в этой стране всё устроено. Десятилетиями секреты лежат буквально под ногами, в двух шагах от жилых домов, и никто о них не знает. А когда приходит время, они открываются тем, кто ищет правду, а не выгоду. Это... удивительно.

Сергей убрал документы в сейф.

— Добро пожаловать в Россию, сеньор Алмейда. Здесь всё именно так.

Было принято совместное решение остаться ночевать в офисе, чему способствовали два специально для этого оборудованных помещения с кроватями и со всем необходимым.

Сергей уткнулся лбом в прохладное окно. На улице сияла огнями ночная Москва, равнодушная к тому, что где-то в подмосковной земле уже много десятилетий спят древние тайны, способные изменить мир.

Глава 4. Человек без лица

Италия, Неаполь, новая резиденция архиепископа Лоренцо Тальявини.

Аркадий Майский стоял на стремянке в углу кабинета и осторожно, миллиметр за миллиметром, вдавливал миниатюрную камеру в отверстие, заранее высверленное в лепнине потолочного карниза. Камера была размером с ноготь мизинца — японская, последняя модель, с автономным питанием на три месяца и передатчиком, работающим в диапазоне, который местные спецслужбы не мониторили. Майский знал это точно, потому что сам настраивал оборудование для местных спецслужб, когда ещё работал в охранной фирме, выполнявшей подряды для полиции Неаполя.

Руки двигались автоматически, без дрожи, хотя внутри всё было натянуто как струна. Он ненавидел этот этап работы. Самый опасный. Когда ты физически находишься на объекте, с инструментами, с оборудованием, и любая случайность — внезапно вошедший секретарь, забытая в коридоре стремянка, не вовремя сработавшая сигнализация — может обрушить годы подготовки. Годы жизни под чужой личиной.

Камера встала на место идеально. Майский аккуратно замаскировал микроотверстие кусочком лепнины, который он заранее снял и теперь приклеил обратно специальным составом, неотличимым от оригинальной штукатурки. С пола, даже если смотреть в упор, ничего нельзя было заметить. С улицы — тем более: окна кабинета выходили во внутренний двор, окружённый высокой стеной, и солнце заливало комнату только во второй половине дня.

Он спустился со стремянки, сложил её и прислонил к стене. Оглядел кабинет. Массивный стол красного дерева, книжные шкафы с томами в кожаных переплётках, распятие на стене — старинное, резное, возможно, XVII века. На отдельной подставке — бронзовый бюст какого-то святого, имени которого Майский не помнил, да и не стремился запомнить. В углу, у окна, — кресло с высокой спинкой, обитое тёмно-бордовым бархатом. В этом кресле архиепископ Лоренцо Тальявини любил сидеть по вечерам с бокалом красного вина и читать донесения своих информаторов.

Аркадий знал это, потому что уже два года был частью его ближнего круга.

Он подошёл к окну, поправил штору — просто чтобы занять руки — и посмотрел на внутренний двор. Там, в тени старой пинии, стоял фонтан: мраморный ангел с опущенными крыльями, из рук которого текла вода в чашу, поросшую мхом. За фонтаном виднелась высокая кованая калитка, ведущая в сад, а дальше — глухая стена, отделявшая резиденцию от узкой неаполитанской улочки. Тишина, покой, умиротворение. Идеальное место для того, чтобы плести интриги, не опасаясь посторонних глаз.

Майский усмехнулся про себя. Посторонние глаза уже здесь. И они принадлежат ему.

Он достал из кармана телефон, набрал короткий код и увидел на экране картинку с камеры — кабинет с высоты птичьего полёта, чётко, без искажений. Работает. Теперь осталось проверить вторую камеру — в малой гостиной, где Тальявини обычно принимал особо доверенных посетителей и два микрофона. Но это позже. Сначала нужно убрать инструменты и покинуть резиденцию до возвращения хозяина.

Архиепископ уехал ещё утром, в сопровождении личного секретаря и водителя, в Рим — на какую-то встречу в Курии. Майский знал, что вернутся они не раньше вечера, но предпочитал не рисковать. Он сложил инструменты в неприметную сумку, которую всегда носил с собой — якобы с ноутбуком и документами, — и вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

В коридоре было тихо. Старые половицы поскрипывали под ногами, но к этому звуку здесь все давно привыкли. Резиденция Тальявини располагалась в бывшем монастыре XVII века, перестроенном ещё в XIX столетии под жильё для высшего духовенства. Толстые стены, высокие потолки, запах старого дерева и ладана, проникший, казалось, в каждый кирпич. Майский иногда ловил себя на мысли, что этот запах ему даже нравится. Странно, но факт.

Он спустился по лестнице на первый этаж, кивнул охраннику у входа — пожилому итальянцу с усами, как у оперного певца, который служил здесь ещё до Тальявини и относился к Майскому с добродушным безразличием, — и вышел на улицу.

Неаполь встретил его шумом, солнцем и запахом моря, смешанным с ароматом кофе из соседней trattoria. Майский глубоко вдохнул и на мгновение закрыл глаза. Он любил этот город. Любил его хаотичную, безалаберную, громкую жизнь, так непохожую на размеренную аккуратность севера Италии. Здесь было легче затеряться, легче быть своим среди чужих. Неаполь принимал всех — и аристократов, и нищих, и беглых преступников, и шпионов. Всем находилось место под его щедрым солнцем.

Майский пересёк узкую улочку и вошёл в trattoria. Хозяин, толстый весёлый синьор Джузеппе, приветственно махнул ему рукой из-за стойки.

— Синьор Аркадио! Как обычно?

— Да, Джузеппе. Эспрессо и корнетто.

Он сел за свой обычный столик у окна, откуда просматривался вход в резиденцию, и достал телефон. Сделал вид, что просматривает почту, а сам быстро проверил сигнал со второй камеры — та тоже работала идеально. Малая гостиная была пуста, только луч солнца падал на старинный гобелен с изображением святого Георгия, пронзающего дракона.

Аркадий убрал телефон и откинулся на спинку стула. Джузеппе принёс кофе и свежий корнетто, источающий аромат ванили и сливочного масла. Майский поблагодарил его по-итальянски — с тем лёгким, почти незаметным акцентом, который он вырабатывал годами: не русский акцент, а скорее, говор уроженца Фриули, граничащего со Словенией. Легенда объясняла это просто: мать-словенка, отсюда и особенности произношения.

Он откусил корнетто и задумался. Воспоминания, которые он обычно гнал от себя, сегодня почему-то нахлынули сами. Может быть, потому что установка камер всегда была для него своеобразным рубежом — моментом, когда он снова полностью включался в работу после долгих месяцев рутины. Или потому что вчера, просматривая сводки новостей из России, он наткнулся на фамилию Зорин — какой-то полковник ФСБ, упомянутый в контексте разоблачения шпионской сети. Майский не знал этого человека, но само упоминание ФСБ всколыхнуло память.

Он вспомнил, как впервые переступил порог Военно-дипломатической академии. Это было в 2004 году, ему было двадцать два, и он только что с отличием окончил Военный университет по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Его вызвали в кабинет к начальнику курса и без лишних предисловий предложили поступать в «Консерваторию» — так между собой все называли академию, где готовили элиту военной разведки.

«Консерватория»... Майский усмехнулся, вспоминая это название. Так все выпускники академии разведки называли свою альма-матер в разговорах между собой. Почему «консерватория»? Да потому что там учили тонкой, почти музыкальной работе. Потому что настоящий разведчик, как виртуозный музыкант, должен уметь слышать малейшие нюансы, улавливать фальшь в чужой игре, вести свою партию безупречно, не сбиваясь с ритма. И, как в консерватории, здесь царила жесточайшая дисциплина, помноженная на высочайшие требования. Отсев был огромный — из их потока в триста человек до выпуска дошло меньше половины.

Он вспомнил преподавателей — сухих, немногословных людей с усталыми глазами, многие из которых сами прошли через ад нелегальной работы за рубежом. Они никогда не рассказывали о своём прошлом, но по их манере держаться, по тому, как они реагировали на те

или иные ситуации, Майский и его однокурсники учились больше, чем из учебников. Учились чувствовать опасность, учились ждать, учились не выделяться.

Особенно запомнился ему полковник Новиков — преподаватель по психологии оперативной работы. Сухошавый, с вечно прищуренными глазами, он однажды сказал фразу, которую Майский запомнил на всю жизнь: «Ваша главная задача — не добыть информацию. Ваша главная задача — остаться незамеченным. Информация — это всего лишь следствие. Причина — ваша способность быть никем. Никем, понимаете? Человеком, которого не замечают, не запоминают, о котором не говорят. Только тогда вы сможете работать долго».

Майский тогда не до конца понял эту мысль. Понял позже, уже в Италии, когда месяцами жил в съёмной квартире на окраине Рима, работал гидом для русских туристов и ждал. Ждал сигнала, который всё не приходил. Ждал, когда его «консервация» закончится и он наконец начнёт делать то, чему его учили.

Он прибыл в Италию в 2008 году. Легенда была проработана до мелочей: сын диссидента-правозащитника, выросший в атмосфере неприятия советской власти, после службы в армии окончательно разочаровался в российской действительности и решил эмигрировать. Документы, подтверждающие биографию отца-диссидента, были сфабрикованы безупречно — с подлинными архивными записями, свидетелями, готовыми подтвердить что угодно. Майский даже выучил наизусть биографию этого никогда не существовавшего человека — его статьи в самиздате, его аресты, его смерть в лагере. Это была не просто легенда — это была его вторая кожа.

Первые годы были самыми трудными. Он жил на грани бедности, брался за любую работу, стараясь не привлекать внимания. Итальянский он знал в совершенстве, но нужно было ещё и вжиться в культуру, перенять жесты, интонации, привычки. Он ходил в церковь — не потому что верил, а потому что так делали все вокруг. Он болел за «Наполи» и ругался с соседями по поводу политики. Он завёл роман с молодой итальянкой, учительницей начальных классов, и даже подумывал жениться по-настоящему, но вовремя одёрнул себя: нельзя привязываться, нельзя пускать корни. Фиктивный брак, заключённый позже для получения гражданства, был чистой формальностью, и Майский развёлся сразу, как только получил паспорт.

Сигнал пришёл через шестнадцать лет. Шестнадцать лет. Целая жизнь.

Он до сих пор помнил тот день. Обычный вторник, он возвращался домой после смены в охранной фирме, где тогда работал. В почтовом ящике среди рекламных буклетов лежал конверт без обратного адреса. Внутри — открытка с видом венецианского Гранд-канала и несколько строк, написанных от руки по-русски: «Дорогой Аркадий, поздравляю с днём ангела. Надеюсь, у тебя всё хорошо. Твой дядя Павел».

Майский прочитал эти строки трижды. День ангела у него был в январе, а на дворе стоял сентябрь. «Дядя Павел» — такого родственника у него не было. Это был код. Сигнал к пробуждению. Его «консервация» закончилась.

Он действовал по инструкции, которую помнил наизусть все эти годы. Через три дня он должен был быть в Риме, в базилике Санта-Мария-Маджоре, у левого придела, в полдень. С букетом белых роз. К нему должен был подойти человек с красным путеводителем в руках и спросить по-итальянски: «Простите, вы не знаете, где здесь мозаика с коронацией Девы Марии?» Ответ: «Кажется, в правом нефе, но я не уверен».

Всё прошло именно так. Человеком с путеводителем оказался немолодой священник с усталым лицом и добрыми глазами. Он представился отцом Антонио и сказал, что отныне будет его связником. Через него Майский получил первые инструкции: внедриться в окружение архиепископа Лоренцо Тальявини, который в тот момент как раз формировал новую службу безопасности.

Это было два года назад. С тех пор Майский сумел стать одним из доверенных людей Тальявини. Не самым близким — до этого уровня допуска были лишь двое-трое, личный сек-

ретарь и старый друг ещё по семинарии, — но достаточно близким, чтобы знать о многих делах архиепископа. О его связях с политиками, бизнесменами, представителями спецслужб. О его тайных поездках и закрытых встречах. О его одержимости неким древним архивом, который Тальявини называл «ключом к истинной власти».

Майский передавал эту информацию через отца Антонио в Центр. И каждый раз, отправляя очередное донесение, он чувствовал странную смесь удовлетворения и опустошения. Удовлетворения — от того, что делает свою работу. Опустошения — от того, что эта работа никогда не заканчивается.

Он допил кофе и расплатился с Джузеппе. Пора было возвращаться в резиденцию — нужно было успеть кое-что сделать до возвращения Тальявини ну а ближе к вечеру он передаст в центр очень интересную информацию со вчерашней встречи своего подопечного и одного весьма любопытного персонажа, которого Майский уже наблюдал в старой резиденции несколько раз. Но вместо того чтобы сразу встать, он ещё несколько минут сидел, глядя на улицу. На женщин с хозяйственными сумками, на стариков, играющих в карты за соседним столиком, на мальчишку, который гонял мяч по мостовой. Обычная жизнь. Та жизнь, которой у него никогда не будет.

Аркадий встал и направился к выходу.

Вечером Майский провёл сеанс связи. Это был особый ритуал, отработанный до автоматизма. Сначала он проверил, нет ли за ним наблюдения, — вышел из дома, прошёл несколько кварталов пешком, сел в автобус, проехал три остановки, пересел на трамвай, снова прошёл пешком, зашёл в супермаркет, вышел через служебный вход. Только убедившись, что хвоста нет, он направился к тайнику.

Тайник был оборудован в подвале заброшенного дома на Виа дей Трибунали. Старый, ещё довоенной постройки, дом давно ждал сноса, но из-за бюрократических проволочек стоял нетронутым. В подвале, за грудой строительного мусора, Майский ещё год назад оборудовал небольшую нишу, где хранил аппаратуру для связи. Спутниковый модем, ноутбук с шифровальной программой, запасные батареи. Всё это было надёжно укрыто от посторонних глаз.

Он включил ноутбук, подсоединил модем, набрал длинную последовательность команд. На экране появилось окно чата. Майский набрал короткое сообщение:

«Готов к сеансу. Жду подтверждения».

Через несколько минут пришёл ответ:

«Подтверждаю. Начинай».

Майский быстро, используя заранее оговорённые сокращения и кодовые слова, передал основную информацию: о встрече Тальявини с американцем, которого он идентифицировал как Стивена Виленса, сотрудника ЦРУ; о том, что речь шла о некоем архиве тамплиеров, который, по словам Тальявини, «находится в России и должен быть изъят любой ценой»; о том, что Виленс получил карт-бланш на проведение операции, но Тальявини выразил сомнение в его надёжности и упомянул «запасной вариант».

Его куратором в центре был генерал-лейтенант Горелов — один из двух человек в мире, кто знал о существовании глубоко законспирированного агента. Горелов был немногословен, как всегда.

«Принято. Информация ценной. Тобой довольны. Жди дальнейших указаний. Конец связи».

Майский отключил аппаратуру, аккуратно уложил её в тайник и выбрался из подвала. На улице уже стемнело, зажглись фонари, и Неаполь засиял своей особенной, чуть мрачноватой вечерней красотой. Майский шёл по узким улочкам, засунув руки в карманы, и разгонял облака мыслей в своей голове. Мозгам требовался отдых.

Аркадий свернул в переулок, ведущий к его дому, и вдруг остановился. У подъезда стояла машина — тёмно-синий «Фиат», которого он раньше здесь не видел. В салоне горел огонёк

сигареты. Майский не стал подходить ближе. Он развернулся и пошёл в другую сторону, к запасному выходу из квартала. Сегодня он переночует в другом месте. Бережёного Бог бережёт.

А завтра — снова в резиденцию, снова улыбаться, снова быть никем. Тем, кого не замечают. Тем, кто слышит всё.

Глава 5. Старая почта

Зорин положил трубку после разговора с Давыдовым и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на карту Красково, разложенную на столе. Американцы уже выехали. Коллинз со своей группой мчался к спецдаче №14, уверенный, что именно там хранится архив Брюса. И у Зорина было два варианта: ждать утра, чтобы выехать вместе с Давыдовым и Алмейдой, или действовать немедленно.

Он выбрал второе.

— Рябов, — рявкнул он в селектор. — Поднимай группу. Выезжаем через двадцать минут. Объект — Красково, особняк бывшей спецдачи. Американцы будут там с минуты на минуту. Наша задача — встретить их и взять живыми. Полное снаряжение, оружие, приборы ночного видения. Работаем тихо, но если что — разрешаю огонь на поражение.

Через двадцать минут три неприметных автомобиля выехали с территории бывшего завода и направились в сторону Красково. Зорин сидел в головной машине рядом с Виктором и просматривал на планшете спутниковые снимки местности. Спецдача №14 — двухэтажный особняк, ныне частично разрушенный, но сохранивший подвальные помещения. Именно туда, по данным перехвата, направлялись люди Коллинза. Старая почта, о которой говорил Давыдов, находилась в трёхстах метрах восточнее, но её решено было оставить на утро — сначала нужно было нейтрализовать непосредственную угрозу.

Машины остановились в лесополосе в полукилometре от цели. Дальше двинулись пешком. Ночь была безлунной, и оперативники, облачённые в тёмную одежду и оснащённые приборами ночного видения, скользили между деревьями, как тени. Зорин распределил людей по периметру особняка и приказал ждать.

Ждать пришлось недолго. Около двух часов ночи к особняку подъехал тёмный внедорожник с погашенными фарами. Из него вышли трое — все в тёмном, с оружием и, судя по движениям, хорошо подготовленные. Они быстро проникли внутрь через разбитое окно первого этажа.

— Внимание, — прошептал Зорин в микрофон. — Работаем по плану. Берём живыми. Пошли.

Группа захвата ворвалась в особняк через несколько входов одновременно. Внутри раздался крики, выстрелы, грохот падающих тел. Бой был коротким и жестоким. Один из боевиков попытался уйти через подвал, но был встречен Виктором и после короткой рукопашной обезврежен. Второй отстреливался из пистолета с глушителем, пока не получил пулю в плечо. Третий, поняв, что уйти не удастся, попытался покончить с собой — выхватил из кармана ампулу с ядом и поднёс ко рту. Зорин, заметивший это движение, в два прыжка оказался рядом и сильным ударом выбил ампулу. Она отлетела в угол и разбилась о стену, оставив на обоях тёмное пятно.

— Живым, — процедил Зорин, заламывая американцу руки за спину. — Ты мне живым нужен.

Пленного усадили на пол, прислонив спиной к стене. Это был мужчина лет сорока, с короткой стрижкой и жёстким, ненавидящим взглядом. На одежде — никаких опознавательных знаков, в карманах — только пачка сигарет и зажигалка. Ни документов, ни телефона.

— Кто такой? — спросил Зорин, присев перед ним на корточки. — Кто послал? Коллинз? Виленс?

Американец молчал, сверля его глазами. Потом вдруг сделал резкое движение головой к воротнику куртки — явно пытался достать зубами что-то, спрятанное в шве. Зорин среагировал мгновенно: короткий, но сильный удар в челюсть. Голова пленного мотнулась, и из воротника выскользнула вторая ампула — крошечная, стеклянная, с мутноватой жидкостью внутри. Она упала на пол и покатилась, но не разбилась.

— Обыскать тщательно, — приказал Зорин. — Каждый шов, каждый карман. И в машину его. В управлении допросим.

Задержанного подняли и вывели. Зорин подобрал ампулу, аккуратно завернул в носовой платок и убрал в карман. Потом обвёл взглядом разгромленное помещение. На полу валялись гильзы, осколки стекла, обрывки каких-то бумаг. Обычный налёт на заброшенный объект, который не увенчался успехом.

— Чисто, — доложил Рябов. — Больше никого.

— Хорошо. Оставьте здесь двоих для наблюдения. Остальные — в управление. Утром продолжим.

* * *

Сергей почти не спал — мысли о предстоящей поездке в Красково, о документах Реутова, о Соне не давали покоя. Ближе к пяти утра он выполз из комнаты основное помещение офиса. В переговорной его уже ждал Алмейда, который, казалось, вообще не нуждался во сне — португалец сидел за столом с чашкой кофе и изучал какие-то бумаги.

— Доброе утро, сеньор Давыдов, — приветствовал он. — Готовы к приключениям?

— Более-менее, — ответил Сергей, наливая себе кофе. — Зорин должен подъехать с минуты на минуту.

Зорин появился ровно в шесть. Вид у него был уставший, под глазами залегли тени, но двигался он энергично.

— План меняется, — с порога объявил он. — Ночью мы взяли группу Коллинза в особняке. Трое его людей: один убит, один ранен, третий пытался покончить с собой, но мы успели. Самого Коллинза среди них не было — он, видимо, координировал из Москвы. Но главное — они ничего не нашли. Особняк пуст, подвалы завалены. Архив не там.

— Значит, наш ход через почту — единственный, — заключил Алмейда.

— Именно. Поэтому едем туда прямо сейчас. С нами Виктор и двое оперативников. Вперёд.

* * *

Утреннее солнце только поднималось над горизонтом, когда два автомобиля — неприметный «Фольксваген» Зорина и микроавтобус с оперативниками — въехали в посёлок. Красково встретило их тишиной и запустением. Старые, ещё советской постройки дома чередовались с современными коттеджами, но на Почтовой улице время словно остановилось. Одноэтажное кирпичное здание с покосившейся вывеской «Почта» стояло в глубине заросшего двора. Окна заколочены досками, дверь опечатана, но печать давно сорвана, и створка висела на одной петле.

— Приехали, — сказал Виктор, глуша двигатель.

Они вышли из машины. Утренний воздух был свеж и прозрачен, пахло мокрой травой и старым кирпичом. Где-то вдалеке лаяла собака, и этот звук, такой обычный, деревенский, странно контрастировал с ощущением тревоги, которое висело в воздухе. Сергей поёжился — то ли от утренней прохлады, то ли от предчувствия.

Виктор ловко снял остатки двери с петель, и они вошли внутрь. Внутри царил хаос. Стены были увешаны пожелтевшими агитплакатами советских времён: «Слава труду!», «Вперёд, к победе коммунизма!», «Почта — связь времён и народов». На полу валялись кучи мусора, обрывки старых газет, сломанная мебель. Несколько комнат — бывший операционный зал, кабинет начальника, подсобка — были пусты и не содержали ничего интересного.

— Где здесь может быть печь? — спросил Сергей, оглядываясь. — В схеме Реутова сказано: «Люк за печью».

Они обыскали все помещения. Печь нашлась в дальней комнате — массивная, сложенная из старого кирпича, с чугунной дверцей. Но за ней была лишь глухая стена. Ни люка, ни намёка на подземный ход.

— Может, печь не та? — предположил Алмейда. — Или её перенесли?

— Или вход заложили, — мрачно сказал Зорин. — Смотрите, кладка здесь свежее, чем вокруг. Видите? Раствор другой.

Он указал на участок стены за печью. Действительно, несколько рядов кирпичей отличались по цвету и фактуре от остальных. Кто-то тщательно заложил проём, замаскировав его под основную кладку.

— Ломать? — спросил Виктор, доставая из рюкзака небольшой ломик.

— Ломай, — кивнул Зорин.

Виктор принялся за работу. Кирпичи поддавались с трудом — кладка была сделана на совесть. Но через полчаса в стене образовался пролом, за которым чернела пустота. Виктор посветил фонариком.

— Ход. Уходит вниз, ступени.

Они один за другим спустились в подземелье. Ход был узким, выложенным старым кирпичом, с низким сводом. Пахло сыростью, плесенью и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным запахом разложения. Пройдя метров двадцать, они упёрлись в массивную железную дверь. Замка на ней не было — только тяжёлый засов.

Виктор навалился на засов, и тот с протяжным скрежетом поддался. Дверь открылась.

За ней оказалось просторное помещение — примерно пять на шесть метров, с бетонными стенами и низким потолком. Вдоль стен стояли стеллажи, заставленные картонными коробками и папками. В углу — ржавый сейф с распахнутой дверцей. Пол был усыпан обрывками бумаг, мышинным помётом и мусором. Часть коробок развалилась от сырости, их содержимое превратилось в бесформенную массу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.